

A. A. ХАМИДОВ

СПЕЦИФИКА ЗНАНИЯ В АРХАИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Института философии, политологии и религоведения КН МОН РК

Анализируются особенности познавательной культуры в Архаике и специфика того знания, которое в ней вырабатывалось. Отмечается, что отличительной чертой этого знания является его пропитанность мифологическим мировоззрением. Тот корпус знания, который вырабатывался и функционировал в архаической культуре, подразделялся на сакральное знание и знание профанное, причем первое обладало более высоким социальным статусом, несмотря на то, что в нем – с современной точки зрения – большие псевдознания, нежели действительного знания. Но даже реалистические, практически значимые знания здесь облекались в иллюзорную оболочку. В статье отмечается, что вопреки некоторым точкам зрения, тот корпус знания, который выработался архаической культурой, следует считать не наукой, а лишь прото-наукой.

Ключевые слова: знание, наука, прото-наука, сакральное знание, профанное знание, практическое знание, квази-знание, мифология, космогонический миф, магия, сакрально-когнитивный комплекс, антропо- и социо-морфизм, пренатальный опыт, архаическая культура, число.

К. Маркс и Ф. Энгельс писали в «Немецкой идеологии»: «Производство идей, представлений, сознания первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной (в оригинале: действительной, wirklichen. – A. X.) жизни. Образование представлений, мышление, духовное общение людей являются здесь еще непосредственным порождением их материальных действий» [1, с. 19]¹. Слова эти всецело справедливы применительно к бродячему образу жизни и присваивающему хозяйству. Однако с переходом на оседлость и к производящему хозяйству происходит постепенное освобождение сознания и в особенности мышления от их непосредственной вплетенности в непосредственную жизнедеятельность. Такое обособление оказывается просто необходимым в новых условиях жизнедеятельности. Именно в этих условиях вырабатывается мифологическое сознание и создается система мифов; именно в этих условиях формируется ценностно-мировоззренческая вертикаль, а вся действительность в зеркале общественного сознания разделяется по вертикали на сакральный и профанный уровни. Переход на оседлость и к производящему хозяйству становится мощным стимулом к развитию и совершенствованию познавательной культуры, к постоянному накоплению и расширению корпуса общественно необходимых знаний.

Этот корпус знаний в архаической культуре является неоднородным и гетерогенным по своему происхождению. Прежде всего следует отметить разделение всего корпуса знания на знания *сакральные* и знания *профаные*. Статус и ценность у них принципиально разная: сакральные знания обладали высшим статусом и высшей культурной ценностью, профаные знания, напротив, обладали низким социумным статусом и низшей ценностью. Сакральные знания во всей их полноте были доступны лишь избранным членам социума (жрецам, в первую очередь); знания профаные были, в принципе, доступны каждому. Сакральные знания касались не только того, что относилось к сокровенным сюжетам мифов и к проведению ритуалов, но и знаний, связанных с половозрастными особенностями человеческого развития (к примеру, некоторые тайны сексуальной жизни не были доступны индивидам до их инициации) и др.

Большинство того, что в сакральном корпусе знаний считалось истинным и охранялось от непосвященных, было не действительным, но иллюзорным псевдознанием, и его источниками подчас была отнюдь не реальная действительность. Возьмем тот же космогонический миф. Давно замечено, что почти у всех первобытных народов, как и у народов, задержавшихся на стадии первобытности до нынешних времен, имеются космогонические мифы, то есть мифы, содержанием

¹ «Представления, – сказано здесь также, – которые создают себе эти индивиды, суть представления либо об их отношении к природе, либо об их отношениях между собой, либо о том, что такие они сами. Ясно, что во всех этих случаях эти представления являются сознательным выражением – действительным или иллюзорным – их действительных отношений и деятельности, их производства, их общения, их общественной и политической организации» [1, с. 19. Сноска ***].

которых является происхождение Космоса. Более того, замечено также что содержание, сюжеты этих мифов у народов, разделенных материками и океанами, имеют поразительное сходство. Ученые давно обратили внимание на то, что если отвлечься от конкретики тех образов и символов, в которые облечены сюжеты этих мифов у разных народов, то в остатке останется описание одного и того же сюжета: *космогенез* описывается как *эмбриогенез*. То есть описывается процесс *зачатия* как столкновения сперматозоида с яйцеклеткой, образование зиготы, развитие плода в утробе и рождение так называемого Первочеловека, из тела которого и образовался Космос (из костей – горы, из волос – растительность и так далее).

Долгое время исследователи полагали, что первобытный человек обладал определенными эмпирическими данными о процессе зачатия и о внутриутробном развитии плода и эти знания в соответствии с антропоморфизмом как одним из ведущих «принципов» первобытного сознания облекал эти знания в антропокосмические формы и проецировал на Космос. Однако постепенно было установлено, что древний человек достаточными эмпирическими знаниями в области зачатия и эмбриогенеза не обладал. То обстоятельство, что в архаических космогониях антропоморфизм присутствует, сомнению не подвергалось. Но было неясно, откуда все же у древнейшего человека имелись знания об указанных феноменах?

На данный вопрос попытался дать ответ голландский ученый, специалист по древнеиндийской и древнеиранской мифологии Ф. Б. Я. Кейпер. Свои взгляды он изложил в статье «Космогония и зачатие: к постановке вопроса» (1970 г.). Он использовал данные, полученные психиатрами психоаналитического направления Н. Фодором и Л. Перболте, которые экспериментально подтвердили, что при определенных нарушениях психики индивид начинает вспоминать события своей внутриутробной жизни, в том числе и акт оплодотворения, то есть столкновения сперматозоида и яйцеклетки (оказывается, яйцеклетка испытывает шок от столкновения со сперматозоидом и это каким-то образом запечатлевается в памяти эмбриона). Именно данный акт в космогониях чаще всего символизируется в виде поражения богом или культурным героем дракона или змея. Отсюда следует вывод о том, что «события, которые происходят в течение пренатального периода, явно регистрируются зародышем и могут воспроизводиться в снах в его постнатальной взрослой жизни. Представление, – пишет далее Кейпер, – о том, что человек проносит через всю свою жизнь зарегистрированные результаты несенсорного восприятия из пренатального периода, несомненно, серьезно противоречит общераспространенному предположению психологов, что сознание начинает развиваться только после рождения вместе с развитием органов чувств. Неудивительно поэтому, что психологи выразили этой теории свое недоверие. Признание возможности пренатального несенсорного восприятия влечет за собой, конечно, коренные изменения в общем взгляде на проблему человеческого сознания» [2, с. 128].

Это, повторяем, писалось и было опубликовано в 1970 г. Тогда трансперсональная психология только начинала набирать силу. Первая фундаментальная монография основателя трансперсональной психологии Ст. Грофа «Области человеческого бессознательного. Данные исследований ЛСД» увидела свет только в 1975 г. (см. ее русский перевод: [3]) Тогда эта новая наука (к тому же поначалу не признаваемая «светилами» психологии) только начинала набирать силу. Гроф показал, что у человека имеется как пренатальный (внутриутробный), так и перинатальный (родовый) опыт и что человек, следуя определенной методике, может актуализовывать его. Кейпер настаивает на том, что связь между космогонией и эмбриогонией не является чем-то случайным и что архаическую космогонию «в конечном счете допустимо объяснить как результат макрокосмической проекции воспоминания (по необходимости индивидуального) о пренатальной жизни» [3, с. 144]. Очевидно, что определенные индивиды (возможно, это были жрецы) обретали способность воссоздать весь процесс собственного эмбриогенеза и затем, онтологизировав, изображать его как глобальный процесс космогенеза.

Конечно, мифологические конструкции формировались не только из материала, полученного в пренатальном опыте или в состояниях измененного сознания (хотя, конечно, и пренатальный опыт доступен лишь измененному состоянию сознания). В состав данного материала входили также и те или иные феномены эмпирически доступной объективной действительности, обработанные мифологическим сознанием. В этой переработке участвовали вообще все особенности архаического сознания: антропо- и социоморфизм, мышление бинарными оппозициями, специфически архаические мировоззренческие универсалии и т.д. Некоторые авторы считают, что в ряде мифов нашли

выражение некоторые знания, переданные архаическим людям то ли от ранее существовавшей на Земле палеоцивилизации, то ли от пришельцев из других регионов Вселенной. Однако эти знания подверглись мифопоэтической обработке, вследствие чего стали неузнаваемыми, приняли искаженный облик и, более того, не вошли в состав мифов и легенд в должном объеме.

Следует отметить, что познание и знание как таковое (в его *положительных* содержании и форме) не является ни целью, ни содержанием мифологического сознания. Они, конечно, присутствуют в мифах, но они в них не занимают центрального места. Поэтому, если и говорить о мифологии как форме познания (а такое истолкование сущности мифа существует), то следует сказать словами О. М. Фрейденберг: «Мифология – выражение единственно возможного познания, которое еще не ставит никаких вопросов о достоверности того, что познает, а потому и не добивается ее» [4, с. 16].

А. П. Огурцов считает, что для характеристики тех знаний, которые существовали в архаической культуре и в некоторых постархаических (так называемых традиционных) культурах, целесообразно выделять особые духовно-практические образования, которые он называет *сакрально-когнитивными комплексами*. «Эти духовно-практические целостности, – пишет он, – объединяют в нерасчленимое целое символически-обрядовую, ритуальную деятельность и ее идейное, ментальное содержание» [5, с. 11]. Он дает следующую характеристику сакрально-когнитивным комплексам: «Сакрально-когнитивные комплексы организованы вокруг некоторого религиозного ядра, подчиняющего себе остальные элементы и пронизывающего их. Вера в трансцендентное, религия как жизнь в сверхчувственном составляют центр сакрально-когнитивных комплексов; на их периферии – рациональное и эмпирическое знание. Функция знания в любых ее формах ограничивается одной – быть средством достижения сакрально-религиозных целей, способом воздействия на трансцендентные, мистические или космологические силы, чтобы направить их действие в нужную человеку сторону. Вера в сакральное может быть рассмотрена как структурирующий фактор религиозно-культурных комплексов» [5, с. 12].

А. П. Огурцов считает, что в эволюции сакрально-когнитивных комплексов присутствуют две тенденции. Первая состоит в том, что в ходе исторической эволюции под влиянием социокультурных факторов происходит постепенное смещение центра в сторону периферии и, наоборот, смещение периферии в направлении центра. Вторая тенденция заключается в том, что по мере эволюции культуры внутри сакрально-когнитивного комплекса возникают новые образования, что в тенденции ведет к нарушению и даже утрате внутреннего единства комплекса. А это, в свою очередь, ведет к обособлению отдельных элементов и относительно друг друга и относительно целого. По мере усиления этих тенденций сакрально-когнитивные комплексы претерпевают разрушение, сакральное ядро вытесняется на периферию, а его место начинает занимать эмпирическое и рациональное знание. «Тем самым, – отмечает А. П. Огурцов, – происходит превращение средства в цель – знание из средства сакрально-религиозных целей оказывается самоцелью, внутри собственно когнитивных системрабатываются свои ценностные ориентации (прежде всего ориентация на истину, а не на достижение прагматически значимого, хотя и обретаемого с помощью сакральных сил эффекта), своя система норм и ценностей» [5, с. 12-13].

Концепция, предложенная А. П. Огурцовым, на первый взгляд, может показаться идеальной или, по крайней мере, полностью приемлемой. Однако в ней можно обнаружить ряд недостатков. Во-первых, следует отметить, что – и об уже сказано выше – на ранних стадиях первобытной культуры в ней преобладает вовсе не религия, а мифология. Религия несколько теснит мифологию лишь на поздних ступенях эпохи Архаики. Следовательно, если признавать существование сакрально-когнитивных комплексов в архаической культуре, то ядром их следует считать не религию, а мифологию. Ведь сакральное как противоположность профанного – это достояние отнюдь не только религии, но и мифологии. Кроме того, не вполне понятно, почему Огурцов говорит о духовно-практических образованиях архаической культуры только как о сакрально-познавательных комплексах. Ведь миф – и как сказание, и в своей реализации как ритуал – содержит также элементы нормативной регуляции, то есть этическое начало, он содержит также и эстетические элементы. Все это в нем действительно присутствует в синкретическом, нерасчленимом виде, но, тем не менее, существует. Следовательно, когнитивный (то есть познавательный) элемент особо выделять не следовало бы.

И вообще правильнее было бы ограничиться понятием «духовно-практическое образование» или «духовно-практический комплекс», в котором ядром является сакральный элемент – мифологический или (и) религиозный. В границах такого образования и этический, и эстетический, и когнитивный (а именно эмпирическое и рациональное знание) элементы сосредоточены на периферии и являются средством достижения исключительно *сакральных* – мифологических или (и) религиозных – целей. Но внутри этого образования, или комплекса, а именно в его сакральном ядре содержались и знания, а именно *сакральные знания*, то есть знания, считавшиеся сакральными. И тогда эволюцию этих духовно-практических образований можно рассматривать не только как оттеснение сакрального ядра когнитивной периферии, но как вообще процесс профанизации и секуляризации этического, эстетического и когнитивного элементов. Из них в Постархаике вырастают этика (имеется в виду неинституциализованная нормативная регуляция), искусство и наука. Но все это исторически происходит уже по ту сторону архаической культуры. И, наконец, еще одно замечание. А. П. Огурцов, судя по всему, полагает, что выделяемые им «сакрально-когнитивные комплексы» дислоцированы в культуре как таковой, безотносительно к ее разделению на сферы сакрального и профанного. На деле же – если даже опустить высказанные в адрес данного понятия замечания – данное духовно-практическое образование – это принадлежность и достояние *только* сферы сакрального.

Выше отмечено, что внешняя природа для первобытного человека – в силу мировоззренческого антропо- и социоморфизма – предстает как своеобразный социум, организованный точно так же, как и его собственный, то есть как *община*, в которой превалируют кровнородственные и генеалогические связи, но община неизмеримо более могущественная, чем человеческая. Вменяя окружающим феноменам антропо- и социоморфные характеристики, человек и воспринимает внешнеприродную действительность как населенную сверхъестественными силами, духами и т.д., с которыми необходимо вступать в отношения. Первобытный человек поэтому обладал целым набором «знаний» о многочисленных силах и духах, об их свойствах, повадках, возможностях. С современной точки зрения, конечно, это – *квази*-знания.

В сфере профанного, как бы она ни пронизывалась силовыми линиями сферы сакрального, познавательная культура существенно отличалась. К ней и следует перейти.

Г. Франкфорт и Г. А. Франкфорт пишут: «Фундаментальное различие в отношении современного и древнего человека к окружающему миру заключается в следующем: для современного человека мир явлений есть в первую очередь «Оно», для древнего – и также для примитивного человека – он есть «Ты»» [6, с. 25]. Они, правда, отмечают, что данное отношение (отношение «Я – Ты») – отношение *sui generis* особого рода. С этим можно согласиться лишь наполовину. Для современного человека (по крайней мере человека западного типа) в целом отношение к миру осуществляется по логике «субъект – объект», но для первобытного оно отнюдь не осуществлялось по логике «субъект – субъект». И не осуществлялось потому именно, что применительно к Архаике в целом понятие «Я» субъекта *не существует*. «Чем дальше назад уходим мы в глубь истории, – пишет Маркс, – тем в большей степени индивид, а, следовательно, и производящий индивид, выступает несамостоятельным, принадлежащим к более обширному целому: сначала еще совершенно естественным образом он связан с семьей и с семьей, развившейся в род; позднее – с возникающей из столкновения и слияния родов общиной в ее различных формах» [7, с. 18]². М. М. Бахтин пишет: «Индивидуальный ряд жизни еще не выделился (внутреннее время индивидуальной жизни еще не существует, индивидум живет весь вовне, в коллективном целом). И труд и потребление коллективны» [8, с. 455]. «Внутреннего человека – «человека для себя» (я для себя) и особого подхода к себе самому – еще не было. Единство человека и его самосознание было чисто публичным. Человек был *весь вовне*, притом в буквальном смысле слова» [8, с. 388]³. Лишь постепенно, в ходе длительного исторического процесса происходит относительное обособление индивида от общественного целого. У него появляется внутренний – человеческий – мир и т.д. Начало такого обособления можно датировать земледельческой общиной, последней стадией Архаики.

² Или же, если смотреть ретроспективно: «Первоначально он выступает как *родовое существо, племенное существо, стадное животное* – хотя отнюдь не как *ξφον πολιτικόν* в политическом смысле» [8, с. 486].

³ «Человек здесь открыт во все стороны, он весь вовне, в нем нет ничего «для себя одного»...» [8, с. 387]

И еще одно замечание. Профанская сфера – это сфера быта, обихода, хозяйственной жизни. Это – сфера различных форм *праксиса*, стимулируемого и детерминируемого в первую очередь *потребностями и интересами*, а не высшими ценностями и смыслами. Праксис – это действия, а не созерцание или «теоретическое» отношение. Возражая А. Вагнеру, К. Маркс отмечал, что «люди никоим образом не начинают с того, что «стоят в [...] теоретическом отношении к *предметам внешнего мира*». Как и всякое животное, они начинают с того, чтобы *есть, пить* и т.д., т.е. не «стоять» в каком-нибудь отношении, а *активно действовать*, овладевать при помощи действия известными предметами внешнего мира и таким образом удовлетворять свои потребности. (Начинают они, таким образом, с производства.)» [9, с. 377].

В сфере профанной в архаической культуре можно выделить *два* типа праксиса: 1) всецело профанный, прагматически-утилитарный и 2) профанно-сакральный – *магический* праксис или просто: *магия*. Обратимся сначала к первому типу. Это прежде всего сфера материальной жизни, хозяйства. Данная практика для своего осуществления требует оптимального набора *позитивных* знаний. Даже в условиях присваивающего хозяйства человек должен был накапливать и накапливал знания о предметах потребления, о примитивных орудиях, которыми он пользовался при добывании пищи, изготовлении одежды, строении жилища, об особенностях среды обитания и перемещения, о климате и т.д. Охотники накапливали знания о свойствах и повадках животных, на которых они охотились, а равно и знания о хищниках, с которыми им приходилось конкурировать и бороться за собственную жизнь. То же можно сказать о рыболовах и о собирателях съедобных растений и их кореньев.

Переход к производящему хозяйству сделал *условием существования* постоянное расширение и углубление достоверных знаний. Теперь уже недостаточно было уметь вести счет; требовалось владеть хотя бы простейшими математическими операциями. Для ведения земледелия требовалось основательное знание особенностей почвы, свойств выращиваемых растений, а равно и так называемых дикорастущих растений, их полезных (в частности, лекарственных) и вредных (в частности, токсических) свойств. Оседлое скотоводство также требовало глубоких и обширных знаний, без которых оно не могло бы вестись.

Первобытный земледелец и скотовод сильно зависели от природно-климатических условий, от ритмов и циклов природы. Его деятельность фактически была погружена в эти ритмы и циклы, так что он должен был хорошо в них ориентироваться. Поэтому наряду с освоением пространства своей жизнедеятельности, первобытный человек вынужден был осваивать *время*, притом с еще большими усилиями, чем пространство. В ходе этого освоения развивались математические познания и попутно возникли и стали совершенствоваться *астрономические* знания. И первые, и вторые не были для архаического человека самоцелью; они служили средством его ориентации в пространстве и особенно во времени. Первобытный человек пошел единственно для него возможным правильным путем. Он стал измерять время по движению небесных светил. Первыми из небесных светил в зону внимания первобытного человека попали Солнце и Луна. Солнце было жизненно значимо для архаического человека, так как с его движением была связана смена времен года. Его основные точки – весенне и осенне равноденствия и летнее и зимнее солнцестояния – были практически, в том числе хозяйственном значимыми. Поэтому человек со временем научился определять эти точки. Луна была значима, так как с ее фазами были связаны физиологические циклы женщины, а также по лунному календарю определялись сроки беременности (у женщин это 10 лунных месяцев). Луна – наиболее близкое к Земле светило и для наблюдателя самое крупное. Кроме того, в отличие от всех других светил Луна постоянно претерпевает изменения своей видимой формы. Это то, что сегодня мы называем периодической сменой ее фаз.

Конечно, первобытный человек не мог оперировать такими современными понятиями, как сидерический месяц, длиющийся 27 дней 7 часов 43 минуты, и синодический месяц, длищийся 29 дней 12 часов 44 минуты. Он не знал, что во время новолуния Луна как таковая никуда исчезает (он полагал, что она «умирает»), но ее просто не видно (почему лунный месяц и принимается за 28 дней). Луна являлась для первобытного человека и часами, и календарем; поэтому он внимательно следил за ее видимым движением и фиксировал это самыми различными способами – например, нанесением насечек на костях животных (см., напр.: [10]), или же посредством рисунков (см.: [11]). Для ориентации в практических значимых фазах движения Солнца архаический человек строил своеобразные сооружения. Чаще всего это были круги с обозначенными на нем точками

прохождения светила во времена равноденствий и солнцестояний (см. о таких, напр.: [12]). Очевидно, в глубь Архаики уходит умение ориентироваться во времени суток (по тени отбрасываемой предметами – в дневное время и по некоторым звездам – в ночное). Кроме того, первобытный человек, наблюдая за окружающей его действительностью и над своей жизнью, накаплял не только массу эмпирических сведений, но еще и массу *примет*, которыми он руководствовался во всевозможных ситуациях. Одни из них были основаны на обобщении многочисленных наблюдений, а другие являлись ни на чем не основанными поверьями.

В процессе ориентации во времени по Луне и Солнцу архаический человек выявлял некоторые объективные ритмы, которые подчинялись строгим числовым соотношениям. В наблюдениях за фазами Луны он, к примеру, выделял числа 5 и 10, 7 и 14. Постепенно он обратил внимание на особенные значения некоторых чисел, таких особенно, как 3, 7 или 9. Некоторым из них придавался магический или даже сакральный смысл⁴. «Числа, – пишет Р. А. Шваллер де Любич, – являются чистейшим выражением истины, так как определяют точную взаимосвязь между причиной и следствием. Они дают человеку возможность знать все «иерархические» функции, которые из причины порождают следствие» [13, с. 207]. Так это или не так, но архаический человек придавал магически-сакральный смысл числам не как *цифрам* (как бы они ни изображались), а *соотношениям* чисел, то есть *пропорциям*.

Архаическому человеку необходимо было как-то ориентироваться в мире природных и культурных феноменов. В этой связи уже на ранних стадиях оседлости были разработаны различные *классификации*. «Любое классифицирование, – отмечает К. Леви-Строс, – имеет превосходство над хаосом; и даже классификация на уровне чувственных качеств – этап в направлении к рациональному порядку» [14, с. 125]⁵. С помощью классификаций архаический человек упорядочивал свой мир. Можно выделить три типа классификаций: одни охватывали Космос, другие охватывали системы родства и брачных отношений, третьи охватывали область преданий. Все они были увязаны между собой по горизонтали и по вертикали; преобладала вертикаль, принцип иерархии.

По мере развития культуры развивались и знания. Анализируя особенности знания в архаической культуре, следует иметь в виду, что положительные знания о внешней природе предшествовали положительным знаниям о человеке и обществе, что объясняется довольно легко. Человек, объективно поставленный в ситуацию борьбы за существование и на первых этапах антропогенеза полностью зависивший от окружающих его природных условий, вполне естественно обращал внимание на эти условия и накапливал о них эмпирические знания. Одновременно с накоплением этих знаний формировался и развивался категориальный строй мышления человека. Одной из первых категориальных форм, отчетливо выкристаллизовавшейся в мышлении первобытного человека была категория *количества*. Первоначально она сформировалась как умение вести счет. В сознании она получала выражение как понятие числа. Процесс освоения количественных определений объективной действительности и формирование понятия числа проходит целый ряд этапов. На первом этапе человек еще не может отделить процесс счета от тех предметов, которые подлежат счислению. На второй стадии происходит некоторое отделение счета от предметов. Но это осуществляется в форме идеального замещения совокупности одних предметов совокупностями других предметов. На третьей стадии уже функция числа закрепляется за некоторыми стабильно используемыми предметами (например, камешки, палочки или пальцы). На четвертой стадии палочки, пальцы и т.д., продолжая играть важную роль, замешаются знаками (зарубками, насечками, узелками на шнуре и т.п.). И, наконец, на пятом этапе число фиксируется в слове и освобождается от привязки как к предметам счета, так и к их посредникам. С этого времени человек сравнительно свободно оперирует понятием числа и, следовательно, глубже и основательнее овладевает категорией количества. С этого момента также развивается математическое мышление и накапливается математическое знание.

⁴ Б. А. Фролов рассматривает пять гипотез оснований придания числу 7 сакрально-магической атрибутике. См.: [10, с. 80 – 81]. Следует отметить, что Махатмы Шамбалы называют *принцип семеричности* универсальным космическим принципом.

⁵ «Ибо классифицирование, пусть причудливое и произвольное, сберегает богатство и разнообразие инвентарного описания; учитывая все, оно облегчает построение «памяти» [14, с. 126]. «Классификация, какой бы она ни была, ценна сама по себе – это лучше, чем отсутствие всякой классификации» [14, с. 120].

Постепенно архаический человек освоил огонь, доместицировал животных, открыл свойства металлов и научился их выплавлять. Все это вело к совершенствованию положительных рациональных знаний. Однако тут можно выделить два подтипа знаний. Одни из них постепенно принимали обобщенно-абстрагированный характер, другие носили отнюдь не отвлеченный, а сугубо практический характер. Они были вплетены в определенные виды деятельности и были неразрывными с этими видами деятельности. Это, так сказать, – *знания-умения*, реализующееся в конкретных действиях. Некоторые авторы называют их *практическими знаниями*. Так, А. С. Арсеньев пишет: «Практическое знание существует, например, в форме той же практической химии. Люди изготавливают краски, дубят кожи, выплавляют металлы. Но когда встает теоретический вопрос, почему все это можно делать, то для объяснения всегда привлекаются факторы невещественного характера, вследствие чего производственный процесс обрастает ритуальными действиями, магическими обрядами, заклинаниями и т.д.» [15, с. 341] Знания, применяемые в этих процессах, не носили обобщенно-отвлеченного характера, и, стало быть, нельзя утверждать, что люди обладали специальными химическими, физическими и т.п. *знаниями*⁶ в том же смысле, в каком, например, химическими и физическими знаниями они являются в составе химии и физики как специальных наук.

Перейдем ко второму типу профанного, точнее: профанно-сакрального праксиса, который мы определили как магию, разделяемую на «белую» и «черную». Б. Малиновский писал: «Магия – само это слово, кажется, обещает нам целый мир таинственных и неожиданных возможностей!» [16, с. 70] Слово «магия» происходит от греческого *μάγεια*, означающего то же самое, а также являющегося синонимом слова *χορτεῖσθαι*, означающего: 1) колдовство, ворожбу, чары; 2) обман, шарлатанство; 3) обольщение (см.: [17, с. 329. Прав. столбец]). Приведем две характеристики феномена магии. Б. Малиновский пишет: «Магия есть уникальная и специфическая сила, присущая исключительно человеку и высвобождаемая только его искусством, оживляемая его голосом, выбрасываемая во вне лишь пусковым механизмом его обряда» [16, с. 76]. Согласно В. Л. Рабиновичу, магия – это «индивидуальные или коллективные действия, призванные сверхъестественным путем повлиять на духов, людей, явления природы, в дополнение к различным видам человеческих практик – хозяйственной, лечебной, созидающей, разрушительной, охранительной, молитвенно-религиозной и т.п.» [18, с. 472. Прав. стбц] Прежде чем делать выводы, приведем еще одно высказывание Б. Малиновского. «Магия, – пишет он, – является человеческой не только по субъектам своего исполнения, но также и по объектам своего назначения. Главным образом она прилагается к деятельности и состояниям человека – охоте, земледелию, рыболовству, торговле, любви, болезням и смерти. Она направлена не столько на природу, сколько на отношение человека к природе и на его занятия, воздействующие на природу» [16, с. 76]⁷.

Из первой характеристики Малиновского следует, что у человека может существовать некая парапротивная (с нынешней точки зрения) способность, которую он – один или совместно с другими такими же, как он, – применяет в неких специализированных действиях. Рабинович ничего не говорит об этой способности как таковой. Но он отмечает, что данное действие мага (магов) нацелено на влияние на нечто. Рабинович утверждает, что магические действия могут быть направлены на духов и на природу, тогда как Малиновский считает, что они могут быть направлены только на отношение человека к природе, но не на самое природу; о духах же он ничего не говорит. На наш взгляд, ни тот ни другой не учитывают того, что применительно к Архаике необходимо учитывать антропо- и социоморфизм отношения человека к природе. Маг не может быть исключением. Он в своих магических акциях пытается – как ему представляется – оказать влияние на те сущности, которые якобы стоят за чувственно воспринимаемыми феноменами.

Л. Витгенштейн писал: «Заблуждение возникает тогда, когда магию начинают истолковывать научно» [19, с. 253]. И еще: «Как это просто звучит: разница между магией и наукой может быть выражена тем, что у науки есть прогресс, а у магии – нет. У магии нет направления развития, она

⁶ В Постархаике такого рода знания принимали форму *ремесла*. Они передавались от мастера к ученику в форме передачи опыта, умения. Такого рода знания существуют в наше время: не существует специальных теорий слесарного, токарного или, скажем, парикмахерского дела.

⁷ «Более того, – добавляет Малиновский, – результат магии обычно воспринимается не как производное природы, подвергнутое воздействию магических чар, а как нечто исключительно собственно магическое, как нечто такое, что не может быть произведено природой, но может быть произведено лишь магией» [16, с. 76].

лежит сама в себе» [19, с. 258]. Из процитированного следует, что магия и наука – существенно разнородные феномены и что прилагать масштаб науки к магии – значит попусту тратить время. Б. Малиновский ставил вопрос о соотношении магии и науки. Он писал: «Магия сродни науке в том, что она всегда имеет определенную цель, тесно связанную с человеческими инстинктами, потребностями и занятиями. Искусство магии направлено на достижение практических целей. [...] Как наука, так и магия развиваются своей собственным методом» [16, с. 86]. Но, отмечает Малиновский, «мы можем вполне обоснованно назвать магию псевдонаукой» [16, с. 86]. Его аргументация такова: «Наука, даже в форме примитивных знаний дикаря, основывается на обычном, универсальном опыте повседневной жизни, опыте, добытом человеком в борьбе с природой за свое существование и безопасность, основанном на наблюдении и закрепленном рассудком. Магия основывается на специфическом опыте эмоциональных состояний, когда человек наблюдает не над природой, а над самим собой, когда не рассудок постигает истину, а игра эмоций с человеческим организмом создает иллюзию откровения. Наука основывается на убеждении, что опыт, усилия и логика действенны; а магия – на вере в то, что надежда не может не сбыться, а желание не может быть обмануто. Научные учения диктуются логикой, а учение магии – ассоциацией идей под воздействием желания. Эмпирическим фактом является то, что совокупность рациональных знаний и совокупность знаний магических, каждая, включены в различные традиции, в различный социальный контекст, в различные виды деятельности» [16, с. 86 – 87]. С этими рассуждениями нельзя полностью согласиться. Выходит, что наука – это то, что обобщает только внешний опыт. Но если бы это было так, то не только бы не появилась наука *психология*, но и не возникли бы те психофизические практики, которые получили развитие в йоге, оздоровительных и боевых искусствах Востока и др. Но в целом, конечно, Б. Малиновский прав: пути науки и пути магии различны. Правда, применительно к Архаике нельзя говорить о науке. Надо говорить о выработке и существовании целого ряда *типов знания*, у одних из которых были перспективы впоследствии войти в состав достоверного знания, у других же не было. В этой связи слова Г. Чайлда, введенного понятие «неолитическая революция»: «Переход к неолиту можно рассматривать как экономическую и научную революцию, превратившую людей из чистых потребителей в активных партнеров природы» [20, с. 62] следуют считать не вполне релевантными. Как экономическую революцию – да; как научную – нет. Тот корпус *положительного и достоверного знания*, который был выработан в культуре Архаики на протяжении всего ее существования, может быть определен как *прото-наука*. С разложением архаической культуры начала формироваться и функционировать сначала *пред-наука*, а затем – и собственно *наука*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. – М.: Политиздат, 1988. – 574 с.
2. Кейпер Ф.Б.Я. Космология и зачатие: к постановке вопроса // Он же. Труды по ведийской мифологии. – М.: Наука, 1986. – С. 112-146.
3. Гроф Ст. Области человеческого бессознательного. Данные исследований ЛСД. – М.: Изд-во Трансперсонального Института, 1994. – 273 с.
4. Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Наука, 1998. – 800 с.
5. Огурцов А. П. Дисциплинарная структура науки. Ее генезис и обоснование. – М.: Наука, 1988. – 256 с.
6. Франкфорт Г., Франкфорт Г. А. Миф и реальность //Франкфорт Г., Франкфорт Г. А., Уилсон Дж., Якобсен Т. В преддверии философии. Духовные искания древнего человека. – М.: Наука, 1984. – С. 24-44.
7. Маркс К. Экономические рукописи 1857 – 1859 годов. (Первоначальный вариант «Капитала»). – Ч. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – Изд. 2-е. – Т. 46. – Ч. I. – М.: Политиздат, 1968. – 559 с.
8. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике //Он же. Собрание сочинений. – В 7-ми т. – Т. 3. Теория романа (1930–1961 гг.). – М.: Языки славянских культур, 2012. – С. 340-511.
9. Маркс К. Замечания на книгу А. Вагнера «Учебник политической экономии». (2 издание) Том I (1879) // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – Изд. 2-е. – Т. 19. – М.: Политиздат, 1961. – С. 369-399.
10. Фролов Б. А. О чем рассказала сибирская мадонна. – М.: Знание, 1981. – 111 с.
11. Фролов Б. А. Астральные мифы и рисунки // Очерки истории естественнонаучных знаний в древности. – М.: Наука, 1982. – С. 41-58.
12. Бабенко В. Солнечные колеса индейцев // Вокруг света. – 1979. – № 3. – С. 41. 2-й – 3-й стбц – 44. 1-й стбц.
13. Шваллер де Любич Р. Очерк о числах. Путеводитель в непрекращающемся сотворении Вселенной // Символика чисел. – М.: Рефл-бук, Киев: Ваклер, С. 201-238.
14. Леви-Строс К. Неприрученная мысль // Он же. Первобытное мышление. – М.: Республика, 1994. – С. 111-336.
15. Арсеньев А. С. Историзм и логика в марксистской теории // Историческая наука и некоторые проблемы современности. Статьи и обсуждения. – М.: Наука, 1969. – С. 326-344.

16. Малиновский Б. Магия, наука и религия. – М.: Рефл-бук, 1998. – 290 с.
17. [Дворецкий И. Х.] Древнегреческо-русский словарь. – Т. I. А–Л. – М.: Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1958. – 1043 с.
18. Рабинович В. Л. Магия //Новая философская энциклопедия. – В 4-х т. – Т. II. Е–М. – М.: Мысль, 2001. – С. 472. Прав. стбц – 473. Лев. стбц.
19. Витгенштейн Л. Заметки о «Золотой ветви» Дж. Фрэзера // Историко-философский ежегодник – 1989. – М.: Наука, 1989. – С. 251–263.
20. Чайлд Г. Расцвет и падение древних цивилизаций. Далекое прошлое человечества. – М.: Центрполиграф, 2012. – 383 с.

REFERENCES

1. Marks K., Jengels F. *Nemeckaja ideologija*, 1988, 574 (in Russ).
2. Kjojper F. B. Ja. *Trudy po vedijskoj misologiji*, 1986, 112 – 146 (in Russ).
3. Grof St. *Oblasti chelovecheskogo bessoznatel'nogo. Dannye issledovanij LSD*, 1994, 273 (in Russ).
4. Frejdenberg O. M. *Mfi i literatura drevnosti. Izd. 2-e, ispr. i dop*, 1998, 800 (in Russ).
5. Ogurcov A. P. *Disciplinarnaja struktura nauki. Ejo genezis i obosnovanie*, 1988, 256 (in Russ).
6. Frankfort G, Frankfort G. A. *Frankfort G., Frankfort G. A., Uilson Dzh., Jakobsen T. V preddverii filosofii. Duhovnye iskaniya drevnego cheloveka*, 1984, 24 – 44 (in Russ).
7. Marks K. Marks K., Jengels F. *Sochinenija. Izd. 2-e. T. 46. Ch. I*, 1968, 559 (in Russ).
8. Bahtin M. M. *Sobranie sochinenij. V 7-mi t. T. 3. Teorija romana (1930 – 1961 gg.)*, 2012, 340 – 511 (in Russ).
9. Marks K. Marks K., Jengels F. *Sochinenija. Izd. 2-e. T. 19, 1961*, 369 – 399 (in Russ).
10. Frolov B. A. *O chjom rasskazala sibirskaja madonna*, 1981, 111 (in Russ).
11. Frolov B. A. *Ocherki istorii estestvennoauchnyh znanij v drevnosti*, 1982, 41 – 58 (in Russ).
12. Babenko V. *Vokrug sveta*, 1979, № 3, 41 – 44 (in Russ).
13. Shvaller de Ljubich R. *Simvolika chisel*, 1996, 201 – 238.
14. Levi-Stros K. *Nepriruchennaja mysl'*, 1994, 111 – 336 (in Russ).
15. Arsen'ev A. S. *Istoricheskaja nauka i nekotorye problemy sovremennosti. Stat'i i obsuzhdenija*, 1969, 326 – 344 (in Russ).
16. Malinovskij B. *Magija, nauka i religija*, 1998, 290 (in Russ).
17. [Dvoreckij I. H.] *Drevnegrechesko-russkij slovar'*. T. I. A – A, 1958, 1043 (in Russ).
18. Rabinovich V. L. *Novaia filosofskaja jenciklopedija. V 4-h t. T. II. E – M*, 2001, 472 – 473 (in Russ).
19. Vitgenshtejn L. *Istoriko-filosofskij ezhegodnik – 1989, 1989*, 251 – 263 (in Russ).
20. Chajld G. *Rascvet i padenie drevnih civilizacij. Daljokoe proshloe chelo-vechestva*, 2012, 383 (in Russ).

A. A. Хамидов

АРХАИКАЛЫҚ МӘДЕНИЕТТЕГІ БІЛІМНІҢ ЕРЕКШЕЛІГІ

Архаикадағы танымдық мәдениеттің өзгешеліктері мен онда өндірілген білімнің ерекшелігі талданған. Бұл білімнің ерекшелік белгісі оның мифологиялық дүниетаныммен сінірліуімен сипатталатыны айтылады. Архаикалық мәдениетте өндірілген және қызмет еткен білімнің шоғыры сакралды білім және профанды білім деп жіктелді. Оның біріншісі қазіргі көзқараспен алғанда шынайылығынан ғері жалғандығы басым білім деп саналғанына қарамастан, анағұрлым жоғары мәртебеге ие болды. Бірақ тіпті реалистік, практикалық маңызы бар білімдер мұнда сағымдық қабатқа оранды. Мақалада, кейір көзқарастарға қарамастан, архаикалық мәдениетте өндірілген білімнің ғылым емес, тек прото-ғылым деп саналуы тиіс екендігі атап өтіледі.

A. A. Khamidov

SPECIFICITY OF KNOWLEDGE IN ARCHAIC CULTURE

Features of cognitive culture in Antiquity and the specificity of the knowledge that it generates, are analyzed in the article. It is noted that the distinguishing feature of this knowledge is its dependence on the mythological worldview. That complex of knowledge, which is developed and operated in archaic culture was divided into sacred knowledge and profane knowledge, the first has a higher social status, despite the fact that in it – from a modern point of view – more pseudo-knowledge than actual knowledge. But even realistic, practical significance of knowledge here clothed in an illusory shell. The article notes that, contrary to some views, the complex of knowledge developed by an archaic culture should not be considered a science, and a proto-science.